

Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы?

Сергей Александрович Иванов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, isaras9@outlook.com

Аннотация. Статья исследует феномен китайского овощеводства в СССР в 1988–1991 гг. На материалах архивов и устной истории Пограничного района Приморского края она показывает, что с организационно-правовой точки зрения аренда стала основой аграрного производства бригад из КНР на полях совхозов, хотя руководство последних препятствовало развитию такой формы хозяйствования в отношениях с советскими работниками. Автор выделяет управленческие практики и дискурсивные процедуры, которые позволяли сгладить противоречия, порождаемые работой китайских бригад, и сформировать в районном дискурсе устойчивый образ китайцев не как автономных арендаторов, а как наемных работников.

Ключевые слова: *Китай, СССР, сельское хозяйство, аренда, овощеводство, приграничное сотрудничество*
Для цитирования: Иванов С. А. Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 36–50. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

Chinese vegetable farmers in Soviet villages: workers or tenants?

Sergei A. Ivanov
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, isaras9@outlook.com

Abstract. The article examines the phenomenon of Chinese vegetable farming in the USSR in 1988–1991. Using the materials of archives and oral history of Pogranichnyi district of Primorsky Krai, it shows that from the organizational and legal point of view, leasing agreements were the basis of agrarian production of Chinese brigades on the fields of state farms, although the farms' management hindered the development of this form of the economic relations with the Soviet employees. The author identifies governance techniques and discursive procedures that allowed to reduce the contradictions generated by the presence of Chinese brigades and to form in the district discourse a persistent image of the Chinese not as autonomous tenants, but as hired workers.

Key words: *China, the USSR, agriculture, leasing, vegetable production, cross-border cooperation*

For citation: Ivanov S. A. Chinese vegetable farmers in Soviet villages: workers or tenants? // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 36–50. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

В научной литературе сложился консенсус о провале аграрных преобразований в последние годы СССР. Попытки превратить колхозы в самодостаточные и рентабельные хозяйства через подрядные и арендные отношения не просто были плохо реализованы – они вызвали системное неприятие. Все участники сельского хозяйства – от простого работника до министерств в Москве – противились реформе. Для профильных ведомств соблазн сохранить колхозы был велик: их было проще контролировать и мобилизовать на государственные задачи через партийные структуры [47, с. 26]. Низовое руководство и директора сельскохозяйственных организаций не хотели терять власть и рассматривали реформы как очередную кампанейщину [11], отчитывались о переходе на арендные отношения, но фактически сохранили прежние формы производственных отношений [41, с. 7–8; 44, с. 11]. Эти уловки в целом находили молчаливую поддержку большей части селян [34], которая могла приобретать и активные формы в виде порчи имущества арендаторов-первопроходцев. В целом, несмотря на фрагментарные попытки внедрения подряда и аренды по стране с 1970-х гг. [46, с. 16] и особенно активно в 1980-е гг. [19, с. 391–393; 33, с. 5–6, 19], в научной литературе отсутствуют исследования с упоминанием значимых успехов проводимых экспериментов.

Настоящее исследование посвящено китайскому овощеводству в СССР – успешному и устойчивому феномену арендных отношений, которое появилось в 1988 г. в Пограничном районе Приморского края и к 2000-м гг. распространилось по всей России [40; 1]. Этот феномен может показаться неуместным для анализа проблем советского села и земельной аренды в период перестройки по двум причинам. Во-первых, советское государство запрещало аренду

земель¹ до 1989 г. [22; 30], но на протяжении всей перестройки предусматривало право колхозов и совхозов передавать земли в безвозмездное временное пользование другим хозяйствам [21; 10]. Возможность передачи земель в пользование организациями с иностранным участием не оговаривалась. Другими словами, формально аренда китайцами земель была невозможна, но неформально она могла существовать вполне легально, если соблюдалась видимость пользования без арендной платы. Во-вторых, существующая научная литература видит в китайском присутствии в советских селах только трудовую функцию: в ее описаниях китайские крестьяне или работники трудятся на благо совхоза и никак не вплетены в земельные отношения и локальные властные иерархии [18, с. 215; 8, с. 112–116; 50, с. 12]. Научные описания могли приобретать абсурдный характер: китайцы оставались "рабочими" или "трудовыми мигрантами", даже когда "руководители хозяйств отдавали им землю на весь сезон", а работники "приезжали со своей агротехникой, инвентарем..." [6, с. 200]. Если намек на аренду и появлялся, то только в закавыченной форме – "интернациональный подряд" [26, с. 18–19] – как будто выражение не отражает реальное положение вещей. Единственное историческое исследование китайского овощеводства, посвященное хоть и не перестроечному, но близкому к нему периоду 1990-х гг., при достаточно богатой фактуре тоже пользовалось категорией наемных работников, составлявших "отдельную бригаду" как "часть существующей организационной структуры" принимающей стороны [13, с. 151]. Оно тем не менее оставило много вопросов о статусе китайцев: почему-то эта бригада работала автономно, имела своего китайского руководителя, вела учет продукции отдельно, получала деньги через стороннюю китайскую компанию. Некритическое осмысление опыта 1980-х и 1990-х гг. на фоне этнографических данных о широкой палитре арендных отношений между китайскими аграриями и российскими собственниками в 2000-е и 2010-е гг. [27] формирует представление о постепенной автономизации китайского присутствия в российском селе, когда иностранный работник совхоза с деградацией села в постсоветских период становится самостоятельным землевладельцем [49, с. 618–619].

Статья исследует, как еще в советское время китайское присутствие в сельском хозяйстве опиралось на аренду и было автономным, хотя арендные отношения не приветствовались в СССР, и почему китайское присутствие в советском дискурсе редуцировано до трудовой функции. Моя гипотеза состоит в том, что эти вопросы, внешне разные, на самом деле тесно связаны друг с другом: аренда, культурно неприемлемая и политически опасная в отношениях между членами советского общества, была устойчиво возможной в отношениях с Другими, гражданами КНР. Такое предположение основывается на идеях М. Фуко о взаимосвязи власти и знания, которая задает свои параметры того, что должно считаться истиной (общепринятыми знаниями) [38, с. 131–133]. В фукодианских терминах вышеуказанную гипотезу можно уточнить: арендные отношения с китайскими овощеводами были возможны, т.к. посредством особых управленческих практик и дискурсивных процедур их истинный смысл приобрел социально одобряемую форму некапиталистического труда. Другими словами, советский дискурс видел в китайском овощеводстве только рабочего, хотя с организационно-правовой точки зрения совхозы взаимодействовали не с наемными работниками, а с автономными бригадами на правах аренды.

Настоящая работа анализирует события 1988–1991 гг. на исторических материалах², созданных преимущественно чиновниками и журналистами Пограничного района Приморского края и в меньшей степени отдельных ведомств краевого уровня. Фокус на районный и краевой уровни не случаен – здесь в большей степени формировалось китайское овощеводство как объект советского дискурса. В изучаемый период не существовало четко заданного

¹ С середины 1987 г. совхозы, будучи государственными предприятиями, могли передавать в аренду основные фонды, но не землю.

² Статья основана на материалах Государственного архива Приморского края, газеты Пограничного района "Знамя Октября" и устных историй в форме четырех полуструктурированных интервью с представителями совхозов в 1980-е гг. и сельскохозяйственных организаций в 1990-е гг. Пограничного района.

государственной идеологией языка описания китайского овощеводства: феномен был беспрецедентным для позднесоветской истории, не являлся объектом контроля со стороны центральных органов власти и не предвлялся каким-либо инструкциями и программами реализации. Это не говорит о том, что районные бюрократы и СМИ могли описывать китайское овощеводство по своему желанию – дискурс покоится на "уже-сказанном" [36, с. 27–28], поэтому представления о китайском овощеводстве, хоть и произведенные в конкретной локальности, должны были соответствовать истинам перестройки.

Статья организована следующим образом. Раздел после введения кратко характеризует сельское хозяйство Пограничного района Приморского края и проблему внедрения аренды в совхозах. Далее следует описание организационных и правовых основ китайского овощеводства в районе. В этом разделе я фокусирую внимание на особенностях арендных отношений совхозов с бригадами из КНР. Затем статья анализирует противоречия китайского присутствия в Пограничном районе, возникших из-за плохой интеграции в планово-распределительную экономику и сомнений в целесообразности сотрудничества у сельских обывателей. Последний раздел посвящен практикам управления и дискурсивным процедурам, которые были призваны смягчить вышеуказанные противоречия и в конечном итоге привели к редукции китайского присутствия в сельском хозяйстве до трудовой функции.

Аренда в сельском хозяйстве Пограничного района

Пограничный район Приморского края граничит с Китаем. На его территории располагается крупнейший на российском Дальнем Востоке железнодорожный пункт пропуска, наследие построенной на рубеже XX–XXI вв. Китайско-Восточной железной дороги и важная артерия грузоперевозок между СССР и КНР. Эта артерия была плохо связана с локальным хозяйством, т.к. основные товарные потоки контролировались ведомствами и компаниями центрального и краевого уровней (ПМА-1)³. Когда с 1987 г. отдельные организации района получили право налаживать прямое торгово-экономическое сотрудничество с китайской стороной, сфера внешнеэкономической деятельности (ВЭД) не стала важнейшей для района ни структурно, ни с точки зрения самоидентификации.

В советской планово-распределительной системе район имел четкую сельскохозяйственную специализацию, и районная элита, если исходить из материалов местной газеты "Знамя Октября" и архивов, не меняла позиционирование территории как важного поставщика продовольствия для приморских городов ни в перестройку, ни даже в 1990-е гг. Локальное сельское хозяйство считалось рискованным из-за сложных климатических условий, прежде всего нерегулярности осадков. Как и в целом по Приморью [14, с. 315], аграрные хозяйства Пограничного района в конце 1980–х гг. были убыточными и выживали за счет субсидий (ГАПК. Ф. П–24. Оп. 32. Д. 110. Л. 56)⁴. К 1989 г. все совхозы района должны были перейти на самофинансирование, но для этого им надо было поднять рентабельность и прибыль почти в два раза [24].

Одной из наиболее убыточных сфер аграрного производства в районе было овощеводство, куда и пригласили работать китайские бригады в 1988 г. В этой сфере ключевым производителем являлся совхоз "Барановский". В 1987 г. организация не выполнила план по производству овощей (ГАПК. Ф. П–185. Оп. 1. Д. 65. Л. 2–6), получив только 45 центнеров с гектара при плане в 85 [25]. "Барановский" фактически обрабатывал свои 130 гектаров овощей ручным трудом, поэтому зависел от помощи шефских организаций (ГАПК. Ф. П–77. Оп. 20. Д. 440. Л. 52), которых с 1988 г. было все тяжелее

³ ПМА – Полевые материалы автора.

1 – Интервью с бывшим руководителем сельскохозяйственной организации в 1990-е годы. Приморский край, 2014 г.

2 – Интервью с бывшим руководителем совхоза. Приморский край, 2020 г.

3 – Интервью с бывшим руководителем совхоза. Приморский край, 2022 г.

4 – Интервью с бывшим руководителем сельскохозяйственной организации в 1990-е годы. Приморский край, 2019 г.

⁴ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

привлекать на поля. Местное овощеводство пытались механизировать, однако, по витеватомо признанию первого секретаря района, внедрение новых технологий "не приобрело нужного резонанса и практически оказалось на бумаге" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 38). В частности, в 1987 г. овощеуборочные комбайны района из-за технических проблем так и не вышли в поле, а из семи картофелеуборочных машин вышла только одна (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 80–81). К началу 1991 г. овощеводство как профессиональная сфера почти исчезла в районе – здесь осталось всего три овощевода, "остальные поуходили на пенсию, сменили профиль работы либо выехали из села" [23].

Партийная номенклатура района в своей риторике признавала необходимость перемен в сельскохозяйственном производстве и требовала проявить "особое внимание" к аренде в качестве главного средства улучшения ситуации (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 27). Но ее внедрение проходило крайне тяжело и противоречиво. Первый секретарь района Э. Блинов в конце 1989 г. указывал, что в районе под аренду было отдано три тысячи га пахотных земель (около 7,5% от их общей площади), 52 головы крупного рогатого скота и более полутора тысяч голов свиней. Детали позволяют усомниться в этих цифрах. Например, крупным арендатором земли (98 гектаров) стала средняя школа, которая планировала выращивать сою, корнеплоды, зерновые культуры и кукурузу (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 58–59). Арендаторам стремились передать побочные и наиболее убыточные сектора сельского хозяйства; им не давали перейти на полный цикл производства, чтобы не допустить их независимости от руководства колхоза; арендаторов-свиноводов обвиняли в экономии кормов и их расхищении (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. 75–76); овощеводство и корнеплоды из-за своей трудоемкости считались сферами, куда не пришли бы даже самые инициативные сельчане (ГАПК. Ф. П-77. Оп. 20. Д. 439. Л. 18). В двух разных совхозах возникли идентичные конфликты, ставшие сюжетами районной газеты: отдельные подразделения перешли на арендный подряд по устной договоренности с директорами совхозов, но последние впоследствии отказались подписать соответствующие соглашения и в конечном итоге согласились только на звеньевой подряд (форма коллективного подряда), который предполагал небольшую независимость прямых производителей [20]. Было и другое структурное ограничение для аренды: арендатор исключался из планово-распределительной системы, которая доминировала в сельской экономике вплоть до распада СССР, и не мог приобрести на рынке даже элементарные средства производства, поэтому все равно оставался зависим от руководства колхозов (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. 76). В результате в июне 1990 г. первый секретарь райкома КПСС Э. Блинов признавался, что аренда в районе не получила широкого распространения (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 124. Л. 32).

Как в районном дискурсе совмещалась необходимость выполнять указания сверху о внедрении аренды и фактическое стремление ограничить ее распространение? Выступления партийных руководителей и материалы газеты показывают, что базовой стратегией было лишить понятие аренды смыслов, связанных с предпринимательством, самостоятельностью, получением прибыли, и присвоить ей характеристики, связанные с устоявшимся культурой села. Аренда (как и различные формы подряда) позиционировалась не как новая форма экономических отношений на селе, а как более продвинутый путь обеспечения плановых показателей (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 41). Партийным чиновникам она представлялась "основной формой организации и стимулирования труда", необходимой для мобилизации производственного процесса, т.к. трудовым коллективам придется "... больше заботиться об эффективном использовании каждой минуты, каждого килограмма сырья, материалов, о наведении строгого порядка на производстве" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 56, 60). При таком видении цель самостоятельности предприятий заключалась не в получении прибыли, а в "помощи в решении производственной программы" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 70). Излишняя самостоятельность считалась вредной: в конце 1989 г. местные власти признались, что не могут сверстать план на 1990 г. из-за "группового эгоизма", когда "... под прикрытием демократизации управления многие трудовые коллективы принимают заниженные, нереальные планы, даже по основным

видам продукции, а также сокращают производство "невыгодных" видов продукции, занижают объемы работ и услуг..." [9]. В целом противоречия между директорами колхозов и инициативными работниками, очевидно, возникли из-за разного понимания, что такое истинная аренда: первые видели ее феноменом трудовых отношений, вторые – фактическое землевладение и производственную автономность.

В соответствии с идеологией перестройки понятие арендатора тоже было частью районного дискурса, однако его значение не ассоциировалось с неприемлемыми в советском обществе предпринимательством и деятельностью, ориентированной на прибыль [45, с. 116–123]. По мнению партийных руководителей, обыватели ошибочно называли арендаторов "своего рода частниками, даже новыми нэпманами" (ГАПК. Ф. П-1007. Оп. 1. Д. 36. Л. 8), т.к. на самом деле их суть – быть "хозяевами" ("хозяевами средств производства") (ГАПК. Ф. П-77. Оп. 20. Д. 439. Л. 38). Концепт "хозяина" на земле был одним из ключевых для преобразований советского села в 1980-е гг. и означал форму организации труда через демократизацию и автономизацию производителя [42, с. 108]. В районном дискурсе он позволял не акцентировать внимание на вопросах прав собственности и ориентации на прибыль. Как утверждал первый секретарь Пограничного района, "хозяин" – это владелец средств производства не "по праву", а "на деле", т.е. тот, кто обязан взять любую ответственность и выполнить любую задачу агентов государств без каких-либо обязательств со стороны последних [5].

Организационно-юридические основы отношений совхозов и китайских овощеводов

Несмотря на неприятие аренды, она стала основой китайского овощеводства в районе и приобрела достаточно сложную форму в силу институциональных ограничений в СССР. Принципы производственных отношений между китайскими бригадами и совхозами соответствовали издольщине, когда, если следовать определению К. Маркса, "земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, – остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником" [43, с. 939]. В первом контракте, подписанном в апреле 1988 г. между совхозом "Барановский" и фирмой соседнего города Суйфэньхэ (далее – барановский контракт), указывалось, что "советская сторона предоставляет землю...", "... китайская сторона предоставляет технологию, агротехников, а также работников... не более 80 человек, ... семена овощей" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 36). Земельный участок предварительно осматривался сторонами и оставался за производителем на весь полевой сезон. Совхозы предлагали китайским бригадам заниматься либо наиболее трудоемкими сферами аграрного производства (овощи, корнеплоды), либо производством той продукции, которую можно было продать на местном рынке (арбузы), либо в ограниченных объемах соев, которую фирмы могли вывезти в КНР в счет трудовых услуг⁵. Выбор конкретного набора производимой продукции был компромиссом между советской и китайской сторонами (ПМА-2, ПМА-3), что в целом соответствует мировой практике издольщины [48, с. 20]. Производственный цикл выстраивался китайской стороной самостоятельно. Для этого в каждой бригаде было два управляющих (на двадцать-тридцать работников), где один "держал связь с Китаем и ездил – то одно надо привезти, то другое", а другой отвечал за взаимодействие с советской стороной (ПМА-2). В бригаде обязательно был переводчик русского языка и повар, т.к. питание китайская сторона организовывала самостоятельно. В Пограничном районе переводчик китайского языка был на железнодорожном узле, но не в органах местной власти (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 116. Л. 14) и тем более не в совхозах, что

⁵ Из архивов нам известно, что в 1988 г. либо китайские, либо северокорейские бригады выращивали сою, которые должны были увозить с собой как одну из форм оплаты (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 1). Однако эта практика, скорее всего, не прижилась, т.к. в дальнейшем нет никаких сведений об участии китайских аграриев в культивировании сои ни в архивах, ни в моих интервью.

явно ограничивало возможности повседневного контроля производителей со стороны руководства советских организаций.

В соответствии с принципами издольного хозяйствования совхоз не выплачивал "китайским работникам" (как их официально называли в СССР) заработную плату, а сами китайцы не числились в штате организаций. Из архивов и интервью можно выделить два способа расчета вознаграждения китайской стороны в конце 1980-х гг.⁶ В барановском контракте урожай по объему произведенной продукции ("вала") делился в пропорции 60 на 40, где советская сторона получала большую часть. В совхозах из других районов, которые могли приглашать китайцев только через региональное ведомство (в 1988–1990 гг. в Приморском крае только Пограничный район и г. Находка имели право на прямые международные экономические контакты), услуги бригад оплачивались из расчета советских тарифов заработной платы (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 70). Этот способ расчета стоимости услуг был удобен, т.к. не требовал производить точный учет произведенной продукции, но оставлял совхозы с убытками в случае неурожая (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 17).

Вышеописанные способы расчета вознаграждения не предполагали реальный раздел продукции или прямую выплату денежного вознаграждения китайским аграриям. В условиях дефицита наличных денег и проблем конвертируемости валют трансграничное овощеводство становилось частью трансграничного бартерного товарообмена:

Весь расчет тогда был в швейцарских франках <...> А фактически был бартер, денег никто не давал. Вот допустим, совхоз "Богуславский" рассчитывался лесом – где-то купил дешевый лес директор. Мы рассчитывались удобрениями. Второй раз они попросили у меня два, нет, три БелАЗа. Мы нашли эти БелАЗы через <шефскую организацию>, <...> перегнали через нашу границу, всё – расчет закончен. И было выгодно, потому что БелАЗы не очень дорого стоили... (ПМА-2).

Совхоз и китайская бригада как участники земельных и производственных отношений не производили взаимных финансовых расчетов, т.к. в обеих странах сфера ВЭД лицензировалась. Совхоз как землевладелец осуществлял бартер через советского посредника: в Пограничном районе это было районное агропромышленное объединение, другие районы края оплачивали услуги через краевое агропромышленное объединение (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 9) или шефские организации с правом ВЭД. Китайская бригада действовала через своего посредника с соответствующей лицензией на ВЭД. В целом важно подчеркнуть, что советская сторона взаимодействовала не с китайскими работниками, а с контрактруемыми бригадами, которые фактически брали у совхозов в аренду землю, согласовывали с ними производимый набор продукции, но вели производственную деятельность автономно, получали за это эквивалент советским тарифам заработной платы или доли произведенной продукции в виде товаров несельскохозяйственного происхождения (кроме сои).

Противоречия китайского присутствия

С экономической точки зрения такое сотрудничество было выгодно совхозам: не привлекая работников совхозов, они получали трудоемкую сельскохозяйственную продукцию в обмен на товар других советских организаций. Однако обнаруживалась проблема: в замкнутой советской экономике китайцы производили овощи, но забирали другие ресурсы. На пленуме райкома КПСС в декабре 1989 г. при обсуждении дефицитов продовольствия и жилья встал вопрос "массового вывоза товаров из района рабочими из КНР" и необходимости в связи с этим "просить дополнительные фонды товаров с

⁶ Третий способ появился уже в начале 1990-х гг., когда китайские бригады сбывали свою продукцию самостоятельно: здесь делился не стоимостный эквивалент "вала", а реальная выручка от реализации продукции. Этот способ избавлял руководство совхозов от проблем, связанных с продажей урожая, но одновременно требовал контроля сделок китайской стороны (ПМА-2). Только к концу 1990-х гг., когда китайский бизнес в России накопил большое количество российской наличности от розничной торговли и сформировал практики серого кредитования, появилась классическая капиталистическая аренда земли, когда китайский арендатор выкупал у российского собственника по фиксированной ставке право пользования землей (ПМА-4).

учетом численности работающих в районе из КНР" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 141). Объективно нельзя оценить, насколько это на самом деле усугубляло дефицит в конкретной локальности, но, по мнению пограничников, кооперация с Китаем в целом была неэквивалентна, т.к. в Китай "<...> идут в основном строительные материалы, без которых район, край да и страна задыхаются" [4]. В "досужих разговорах" местные жители недоумевали, "зачем нам нужны эти китайцы?" и почему совхозы сами не хотят заниматься производством овощей [23].

Недовольство обывателей китайскими овощеводами и в целом приграничным сотрудничеством с КНР на самом деле повторяло то, о чем еще с середины 1980-х гг. твердили советские чиновники в непубличной переписке. В аналитических записках, отчетах о поездках в Китай и встречах с китайской стороной представление об упущенной выгоде и невыгодности экономических связей с соседом было расхожим [28, с. 77–79], но всегда предполагало, что причина кроется в плохой работе на местах конкретных ведомств или абстрактного государства. Чиновники Пограничного района, как правило, не проговаривали эти взгляды публично. Исключением была политическая необходимость: в начале 1990 г., в преддверии выборов в советы народных депутатов, районная газета дважды публиковала критику районного и краевого начальства о недостаточном материально-техническом снабжении министерствами, которое вынуждает район отправлять часть и так мизерных фондов за границу в счет трудовых услуг или импортируемых товаров [7; 17]. Это был укол в адрес вышестоящих органов власти, однако опосредованно он делал виноватыми китайцев.

Помимо недовольства местных жителей и настороженности чиновников краевого уровня, труд китайских овощеводов и его плоды были плохо встроены в командно-распределительную систему хозяйствования. В 1988 г. краевые власти не приняли в зачет 600 тонн арбузов у совхоза "Барановский", "мотивируя тем, что в плане нет строчки о производстве бахчевых культур" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 61). В 1989 г. этот же совхоз не мог продать дефицитные овощи. Секретарю парткома предприятия не удалось решить вопрос на районном уровне, поэтому он обратился с письмом к первому секретарю крайкома:

...у нас на поле стоят в ящиках 10 тонн помидор и 15 тонн огурцов, и мы 4 дня не можем реализовать. Наша заготконтора план выполнила. Находка⁷ обещала брать овощи, но взяла лишь 4 тонны, и у них все заполнено. Уссурийск тоже не берет. Во Владивосток мы отправили 100 тонн арбузов, а вот помидоры и огурцы, по словам нашего представителя, не берут (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 117. Л. 36).

Как пояснили районные власти в ответ на запрос крайкома о причинах ситуации, совхоз заранее не заключил "договоры с потребителями" (под "потребителями" подразумевались государственные заготовительные конторы и магазины), а районная заготовительная контора отказывалась принимать продукцию, т.к. "это китайские овощи" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 117. Л. 37). Китайскость здесь не была этнической стигмой, распространенной в постсоветской России [39; 1, с. 182]. Продукция была административно чуждой. "Потребитель" не признавал то, что было произведено вне заранее сверстанного плана (ПМА-3). Выходило, что продукция, полученная в рамках трансграничной издольщины как чуждой формы хозяйствования для советской экономики, также могла стать чуждой.

Невидимые помощники совхозов

Как мы показали выше, китайское овощеводство имело противоречивый характер: оно вызывало много структурных противоречий в негибкой плано-распределительной системе и явно напоминало капиталистические формы хозяйствования, которых пыталась избежать локальная номенклатура. То, что китайцы самостоятельны в своем хозяйствовании, четко подмечали сельские, задавая вопросы руководству совхозов, почему они не могут работать со своей организацией на схожих сделных условиях аренды (ПМА-2). Стра-

⁷ Находка – это город в Приморском крае, организации которого являлись шефами совхозов Пограничного района.

тегия руководства района и совхозов по купированию этих вызовов заключалась в физической эксклюзии китайцев и навязывании дискурсивных границ для обсуждения их присутствия.

Директора совхозов стремились изолировать китайские бригады физически. В октябре 1988 г. краевые чиновники указывали, что "сотрудничество с КНР и КНДР <...> должно осуществляться при самом строгом контроле со стороны местных советских органов, особенно в части создания надлежащих социально-бытовых условий для иностранных рабочих..." (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 3). Ситуация на местах была принципиально иной. В барановском контракте в пункте "Необходимые условия для китайских сельскохозяйственных работников" указывалось, что "китайская сторона обеспечивает палатки, одеяла, матрацы", а "советская сторона предоставляет подпорки для палаток, доски для ночной лежанки, столы, стулья..., топливо, воду" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 37). Когда работы начались, исполком района отчитывался, что "...рабочие и специалисты поселились на месте возделывания овощей в полевых условиях, построили городок палаточного типа..." (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 34). Неизвестно, насколько китайская сторона в ходе переговоров приветствовала проживание в полевых условиях, но директора совхозов осуществляли такую практику, если это было возможно:

<...> прямо в поле построил им два здания – общежитие и столовую. Красивые, конкретные здания – их развалили после того, как я уехал оттуда. Вот они жили у меня там, прямо на поле. Почему я сделал так? Чтобы местные не буйнили. Ничего... У них там своя электростанция стояла... Они изначально жили у меня в селе, потому что... Были конфликты, но не сильно такие. Один раз пытались их побить, но милиция быстро среагировала. И с того времени я начал вопрос ставить, чтобы общежитие сделать в поле. И там буквально они за месяца полтора сделали все это на поле. И они у меня там стали жить. Конфликты были не на межнациональной почве... бытовуха была (ПМА-2).

Конфликты на почве "бытовухи" рождались в основном из-за единственного повода для общения местных жителей с гражданами КНР – фарцовки (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 76–80). Китайские аграрии привозили с собой ширпотреб и спиртное, обменивали его на советскую продукцию у местного населения. Фарцовка и спекуляция сами по себе были противозаконны, а в случае с взаимодействием с китайцами нередко сопровождалась обманом в ценах или в качестве товаров, в основном со стороны селян, продающих, например, медь вместо золота (ПМА-3). Это провоцировало конфликты и криминальность⁸: в 1989 г. по различным причинам было досрочно отправлено на родину 267 иностранцев, на 72 граждан КНР и на 11 Вьетнама были заведены уголовные дела (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 17, 23). Помимо попытки ограничить физические контакты с местным населением, проживание в поле имело и другие преимущества. Мелкое воровство продукции в советских колхозах было обыденным явлением, поэтому постоянное нахождение на месте производства позволяло осуществлять охрану урожая. Работников также не требовалось возить, что было большим преимуществом для советских организаций, которые хронически не могли обеспечить транспортом даже своих работников, вынужденных часто добираться до полей самостоятельно.

Физическая изоляция сопровождалась бюрократическим и медийным непризнанием китайцев в качестве реальности локального сельского хозяйства. Отчасти это непризнание производилось через замалчивание. В 1988 г., в первый год работы китайцев на полях Пограничного района, сельскохозяйственный отдел райкома даже не планировал обсуждать этот вопрос на своих ежемесячных собраниях (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 99. Л. 1–31). В архивных фондах первичных партийных организаций совхозов Пограничного района за 1988–1990 гг. нельзя найти ни одного упоминания о китайцах, хотя в них в том числе обсуждались вопросы развития овощеводства. Нельзя найти

⁸ К сожалению, криминальная статистика приводится по всем иностранным гражданам и видам деятельности, что есть нельзя точно сказать, насколько были законопослушны овощеводы. Можно предположить, что в большинстве своем указанные цифры относятся к строителям, которых было сложнее изолировать. Тем не менее наши интервью подтверждают наличие "бытовых" конфликтов китайцев и селян, связанных в основном с фарцовкой.

сведений о китайцах и в доступных фондах райкома или бюро райкома в контексте обсуждения проблем развития сельского хозяйства. Районная газета также не спешила информировать жителей о первом визите овощеводов из соседнего государства. Соответствующая заметка была опубликована в газете только 24 мая 1988 г. [32], когда граждане КНР уже десять дней работали на полях совхоза "Барановский" после полугодовых переговоров. Очевидно, через физическую эксклюзию и дискурсивное замалчивание нельзя было полностью остановить общественную дискуссию о противоречивом явлении – китайское присутствие уже через год стало слишком масштабным.

У локальных элит была другая, более эффективная стратегия – сформировать дискуссию о китайцах в политически приемлемых концепциях, погрузить ее в дисциплину, не связанную с сельским хозяйством, и тем самым очертить границы возможных тем для обсуждения [37, с. 15–16]. Такой дисциплинарной рамкой стала проблематика международного сотрудничества. Она позволяла позиционировать китайское присутствие как внешний ресурс по отношению к советской экономике, санкция на использование которого дается на самых верхних уровнях власти и соответственно символически связана больше с проблемой укрепления политических отношений с соседом, чем с локальной экономикой. В архивах вся информация о китайских овощеводах может быть найдена только в документах отделов, связанных с агитацией, пропагандой и внешними связями. На страницах районной газеты вплоть до начала 1991 г. все публикации упоминали китайских овощеводов только в контексте развития советско-китайского сотрудничества.

В локальном дискурсе китайскому овощеводству как фактору международного сотрудничества присваивалось три характеристики. Во-первых, в нем участвовали исключительно "рабочие" или реже "крестьяне", причем их приглашение было вынужденной мерой, призванной сгладить нехватку трудовых ресурсов и продовольствия. Агропромышленный комитет Приморского края назвал первые овощеводческие контракты "экспериментом" в решении вопроса "дефицита рабочей силы" (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 1). Соответственно, в бюрократической переписке СССР речь шла только о "привлечении рабочей силы" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 9), а не об издольщине или аренде, официальном и общепринятом термине перестройки. По случаю празднования дня образования КНР в 1989 г. первый секретарь райкома КПСС Э. Блинов выступал с речью, где указывал, что "в течение двух лет китайские крестьяне работают на полях совхоза "Барановский", а с нынешнего года они так же работали в совхозе "Бойковский". Ими получен неплохой урожай арбузов, огурцов, помидоров, капусты, моркови, все это в некоторой степени позволяет пополнить наш стол овощами" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 116. Л. 32).

В 1988–1991 гг. в районной газете было всего три упоминания, что китайские рабочие трудятся на подряде или аренде. Все они были перепечатками центральных изданий, две из которых предваряли визит М. Горбачева в Китай в мае 1989 г. и соответственно должны были показать продвинутость форм советско-китайского сотрудничества, и изначально не предназначались для аудитории района. Так, в апреле 1989 г. глава горисполкома указывал в газете "Сельская жизнь", что "мы <...> предложили группе китайских рабочих взять в аренду в совхозе "Барановский" небольшое поле" [2]. В мае 1989 г. первый секретарь райкома Э. Блинов в интервью газете "Правда" назвал трансграничное овощеводство заковыченной фразой "интернациональным подрядом", в котором описывал китайскую сторону только как "работников", "агрономов" и "специалистов", которых отправила китайская экспортная фирма [15]. Наконец, в июне 1990 г. "Знамя Октября" опубликовало информацию ДальТАСС, где указывалось, что в 1989 г. "под опекой китайцев" в крае находилось более 700 гектар земли, причем "широко практиковались договорные и арендные отношения" [12]. В материалах, подготовленных районной газетой и ориентированных на местную публику, упоминания аренды или подряда отсутствовали принципиально, даже если они были полностью посвящены трансграничному овощеводству.

Во-вторых, трансграничное овощеводство описывалось в терминах совместности и взаимности, но никогда в терминах автономности и ориентированности на прибыль. Слово "совместное" использовалось и в названии бара-

новского контракта – "Контракт по совместному выращиванию овощей" – и несколько раз в самом тексте (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 36–38). Точно такое же "совместное" овощеводство планировали организовать и соседние приморские районы в 1989 г. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 39, 45, 47–48, 55). В районной газете названия статей, где упоминались китайские овощеводы, содержали фразы "добрососедство", "по-соседски", "совместное", "на взаимовыгодной основе" [2; 15; 16; 31; 29]. В январе 1989 г. заведующая идеологическим отделом райкома КПСС заявила, что трансграничное овощеводство было "...совместной работой с китайскими гражданами по выращиванию овощей и арбузов..." [31]. Акцент на совместность, взаимовыгодность и соседство в локальном дискурсе мог иметь разные смыслы. Редко он означал низовую производственную кооперацию, всегда недетализированную⁹. Чаще всего он подразумевал, что китайское присутствие в районе является составной частью успешного диалога на высшем уровне, и соответственно обнаруживал символическую связь с национальными политическими решениями, а не локальной экономикой. Как указывалось в районной газете, "содружество земледельцев Дальнего Востока и приграничных провинций КНР – часть обширной долговременной программы прямых контактов по самым различным направлениям", которое "<...> стало возможным в связи с общегосударственных улучшением советско-китайских отношений в духе добрососедства..." [12]. Конечно, никакой программы не существовало, по крайней мере о таковой ничего не известно, а ведомства РСФСР настолько не хотели погружаться в проблемы, связанные с китайским присутствием в овощеводстве и строительной сфере района, что отказались разъяснить местным властям, как они могут оплатить услуги китайских бригад, предлагая решать проблему "на месте" "путем равнозначного товарообмена, на взаимовыгодных условиях" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 23).

В локальном бюрократическом и медийном дискурсах совместность нередко трансформировалась в "помощь КНР". Так районные власти могли называть не только проекты в сельском хозяйстве, но и в сфере строительства и торговли (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 82, 84). Помощь не была признанием слабости собственной экономики, а имела два объяснения в дискурсе. Она могла быть свидетельством хороших политических отношений на высшем уровне. Например, в интервью центральному издательству "Сельская жизнь" глава крайисполкома утверждал, что китайская и советская стороны "стараятся передавать друг другу все лучшее, передовое" и "протягивают друг другу руку помощи, братства", а журналист газеты назвал сельскохозяйственные соглашения "контрактами об оказании помощи друг другу" [2]. При обращении к местной аудитории китайская помощь могла представляться как вынужденная мера в условиях разрушения командно-распределительной системы. Так, глава РАПО оправдывал нахождение граждан КНР на полях района следующим образом: "дефицит" рабочих и продовольствия "вынуждал" советскую сторону обращаться за "помощью" к китайской, которая буквально "спасала ситуацию", вызванную разрывом шефских связей [23].

В-третьих, в районном дискурсе китайские работники всегда позиционировались как масса и совокупность, что в целом стало правилом постсоветского дискурса [35, с. 79], однако в советское время у этой массы были положительные характеристики, тогда как в постсоветское стали преобладать негативные качества расистского (желтая угроза) или геополитического характера. Китайцы были трудолюбивыми, готовыми помогать, неприхотливыми, профессиональными. Как указывалось в заметке ДальТАСС, которую перепечатало "Знамя Октября", работники из КНР "даже в условиях... наводнения после тайфуна "Джуди" сумели получить на отведенных участках высокие урожаи овощных и бахчевых культур", а продукция "пользовалась большим спросом у населения – качество ее было отменным" [12]. Такой положительный образ работников не учитывал одного: это были вахтовики с заработными платами в разы выше китайских и с возможностью получить

⁹ Как показывают интервью, низовая кооперация на самом деле была: китайцы могли прийти на помощь с конкретным фронтом работ, а совхозы могли помочь наладить механизированный полив обрабатываемых полей. Однако эта кооперация не подрывала автономность китайской бригады (ПМА-2; ПМА-3).

дополнительный доход от фарцовки; они работали в бригадах максимально автономных в производственном процессе и ориентированных исключительно на прибыль, а не на выполнение плана; они могли привозить недостающие для производства ресурсы из Китая, обходя проблему советских дефицитов. Эти нюансы опускались в публичной сфере, а образ эффективного китайского работника, вырванный из социокультурного и экономического контекста, становился риторическим орудием обличения недостатков простого советского гражданина. Как указывал бывший глава совхоза, китайцы:

Работали как лошади, не так, как сейчас... Было такое, что в <название села> местные люди говорили: "Вот вы китайцам то-то платите, туда-сюда. Почему мы так не можем?" Я говорю: "Давайте. Вот вам земля, пожалуйста, выращивайте". Они в десять на работу, в двенадцать в тенек, в три часа вышли... у них все позасохло, потому что китайцы с речки в коромыслах носили воду – это потом я им сделал трактор и трубу длинную, трактор ехал потихоньку и поливал. А у них все засохло. Я говорю: "Вы смотрите, пять-шесть часов, только рассвело они уже там, и до темна они там..." (ПМА-2).

Очевидно, для сельской элиты китайские овощеводы могли приносить не только экономические дивиденды, но и символические выгоды через идеализацию их трудовых качеств. Китайские труженики в районном дискурсе становились референтным идеалом для советских работников.

Заключение

Статья показывает, что китайское присутствие в советском сельском хозяйстве не началось с приглашения рабочих совхозами, которое затем эволюционировало до землевладения без контроля со стороны российского государства и бизнеса. Овощеводы из КНР уже в советское время являлись автономными арендаторами и юридически, и фактически. С экономической точки зрения такое сотрудничество было выгодно совхозам: они получали трудоемкую сельскохозяйственную продукцию при минимальных потерях со своей стороны. Однако это сотрудничество несло много противоречий: продукцию китайских бригад было сложно встроить в планово-распределительную экономику и оплатить, а у обывателей района формировалось представление о невыгодности приграничного взаимодействия с КНР.

Сельская элита, стремясь сгладить эти противоречия, прибегала к различным практикам от физической эксклюзии китайцев до непризнания китайцев в качестве реальности локального сельского хозяйства. Бюрократические документы и районная газета позиционировали китайских овощеводов в качестве феномена международного сотрудничества, и их присутствие соответственно оправдывалось решениями политического характера. При этом китайский овощевод в районном дискурсе был неприспособленным и профессиональным работником совхозов, который трудился на взаимовыгодной основе не ради прибыли, а ради совместного блага. Создаваемый образ китайского присутствия не был связан с арендой земель, а деятельность не была автономной и ориентированной на прибыль.

Анализ статьи ограничен материалами Пограничного района Приморья и, безусловно, не может учитывать всю палитру изучаемых управленческих практик и дискурсивных процедур. Более того, используемые мной исторические материалы также предполагают недоступность, например, видения обывателей, кроме тех случаев, когда на него явно ссылалась районная газета. Тем не менее если вернуться к введению работы и вспомнить, что постсоветская академическая дискуссия о китайском присутствии в советском сельском хозяйстве оперирует понятиями рабочих и крестьян, то однозначно можно признать практики физической эксклюзии и дискурсивного контроля успешными. Они не только создали такой объект, как "китайский рабочий/мигрант/крестьянин", но и позволяли не поднимать обсуждение политически опасной проблемы участия локальной элиты в несоциалистических отношениях.

Литература

1. Авдашкин А.А. "Китайские" теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
2. Артапух Н. Как добрые соседи // Знамя Октября. 1989. 15 апреля. С. 2.
3. Басюк И. Давайте говорить начистоту // Знамя Октября. 1989. 21 января. С. 3.
4. Бачук Н. Должна быть забота о людях // Знамя Октября. 1990. 11 января. С. 2.
5. Блинов Э. Быть хозяином не по праву, а на деле // Знамя Октября. 1988. 31 марта. С. 1.
6. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. Глапшун Р. Все от земли // Знамя Октября. 1990. 27 февраля. С. 2.
8. Гордеев Н.В., Грибова С.Н., Жданова Н.Н. Забайкалье-КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2007. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 232 с.
9. Доклад о плане экономического и социального развития Пограничного района на 1990 год и о ходе выполнения плана экономического и социального развития района в 1989 году // Знамя Октября. 1989. 14 декабря. С. 4.
10. Земельный кодекс РСФСР (01.07.1970). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7/print> (дата обращения: 13.07.2023).
11. Земцов А.Л. Сельское хозяйство Центрального Черноземья в 1985–1991 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2007. 24 с.
12. Климентьев С. Контакты приграничных районов // Знамя Октября. 1990. 05 июня. С. 3.
13. Корешкова Ю.О. Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162.
14. Корякина Е.В. К вопросу о социально-экономическом развитии дальневосточного села в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX века (на примере Приморского края) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 2. С. 314–321.
15. Крушинский А. По-соседски, взаимовыгодно // Знамя Октября. 1989. 16 мая. С. 2.
16. Лабина С. Крепнуть добрососедскими связями // Знамя Октября. 1988. 22 ноября. С. 1.
17. Лабина С. Радиомост: Забайкальск – Пограничный // Знамя Октября. 1990. 30 января. С. 3.
18. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI веков). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
19. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). Москва: Энцикл. рос. деревень, 1995. 573 с.
20. Никулина О. А кто же против? // Знамя Октября. 1988. 15 сентября. С. 3.
21. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле от (28.02.1990). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901955043> (дата обращения: 13.07.2023).
22. Основы законодательства СССР "Об аренде" (23.11.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007840> (дата обращения: 14.07.2023).
23. Пономаренко И. Зачем нам нужны эти китайцы // Знамя Октября. 1991. 12 февраля. С. 3.
24. Проект доклада // Знамя Октября. 1988. 01 марта. С. 2.
25. Роженко А. Что взять из уроков минувшего года // Знамя Октября. 1988. 13 февраля. С. 3.
26. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на современном этапе. Владивосток, 1990. 36 с.
27. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. (5). С. 7–35.
28. Савченко А.Е., Чернолуцкая Е.Н. Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985–1988 гг. // Вестник Томского Государственного Университета. История. 2022. № 78. С. 73–81.
29. Совместное предприятие земледельцев // Знамя Октября. 1988. 21 июня. С. 1.
30. Указ Президиума ВС СССР "Об аренде и арендных отношениях в СССР" (07.04.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9024383> (дата обращения: 14.07.2023);
31. Шарова В. Крепнет наше соседство // Знамя Октября. 03.01.1989. 03 января. С. 2–3.
32. Яковлева Р. Заключен контракт // Знамя Октября. 1988. 24 мая. С. 1.
33. Brooks K.M. Lease Contracting in Soviet Agriculture in 1989. University of Minnesota: Staff Paper P90-1. Minnesota: University of Minnesota, 1990. 26 p.
34. Dunn E. Perestroika of Soviet Agriculture: The Peasant View. Washington: The National Council for Soviet and East European Research, 1991. 68 p.
35. Dyatlov V. Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Russian Society // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / eds. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 71–88.
36. Foucault M. Archaeology of Knowledge. London: Routledge, 2002. 239 p.
37. Foucault M. Orders of discourse // Social Science Information. 1971. № 2 (10). P. 7–30.

38. Foucault M. Power/knowledge. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.
39. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 31–52.
40. Grigorichev K.V. "They Exist, Yet They Do Not": 'Chinese Greenhouses' in the Suburban Space // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. № 3–4 (56). P. 275–297.
41. Humphrey C. Perestroika and the Pastoralists: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR // *Anthropology Today*. 1989. № 3 (5). P. 6–10.
42. Lo B. Soviet Labour Ideology and the Collapse of the State. London: Palgrave Macmillan, 2000. 246 p.
43. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy, Volume 3. London: Penguin Classics, 1991. 1086 p.
44. Shanin T. Soviet agriculture and perestroika: four models // *Sociologia Ruralis*. 1989. № 1 (29). P. 7–22.
45. Tedstrom J. E. Socialism, Perestroika, And The Dilemmas Of Soviet Economic Reform / J. E. Tedstrom, New York: Routledge, 2019. 239 p.
46. Van Atta D. Russian agriculture between plan and market // The "Farmer Threat": The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia / eds. Don Van Atta. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 9–24.
47. Van Atta D. Theorists of Agrarian Perestroika // *Post-Soviet Affairs*. 1989. № 1 (5). P. 70–99.
48. White B., Wijaya H. What kind of labour regime is contract farming? Contracting and sharecropping in Java compared // *Journal of Agrarian Change*. 2022. № 22. P. 19–35.
49. Zhou J. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2016. № 5 (1). P. 612–632.
50. 佟承波. 谈东北三省 同俄罗斯的经贸合作 = Тун Чэнбо. Анализ торгово-экономического сотрудничества северо-восточных провинций с Россией // *西伯利亚研究 = Исследования Сибири*. 1994. № 2 (21). С. 11–15.

References

1. Avdashkin A.A. "Chinese" greenhouses in the rural space of the Russian region (the case of the Chelyabinsk region) // *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021. № 1 (52). P. 179–187. (In Russ.).
2. Artapukh N. As good neighbors // *Znamya Oktyabrya*. 1989. April 15. P. 2. (In Russ.).
3. Basiuk I. Let's speak frankly // *Znamya Oktyabrya*. 21.01.1989. P. 3. (In Russ.).
4. Bachuk N. There should be care about people // *Znamya Oktyabrya*. 1990. January 11. P. 2. (In Russ.).
5. Blinov E. To be a master not by right, but in deed // *Znamya Oktyabrya*. 1988. March 31. P. 1. (In Russ.).
6. Vashchuk A.S., Chernolutskaya E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. Ethnominigration processes in Primorye in the 20th century. Vladivostok: FEB RAS, 2002. 228 p. (In Russ.).
7. Glapshun R. All from the land // *Znamya Oktyabrya*. 1990. February 27. P. 2. (In Russ.).
8. Gordeev N.V., Gribova S.N., Zhdanova N.N. Transbaikalia – China. Border and Interregional Relations. 1945–2007. Chita: Express Publisher, 2009. 232 p. (In Russ.).
9. Report on the plan of economic and social development of the Pogranichny district for 1990 and on the progress of the plan of economic and social development of the district in 1989 // *Znamya Oktyabrya*. 1989. December 14. P. 4. (In Russ.).
10. Land Code of the RSFSR (01.07.1970). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7/print> (accessed 13.07.2023); (In Russ.).
11. Zemtsov A.L. Agriculture in the Central Black Earth Region in 1985–1991: Abstract of thesis of Candidate of Historical Sciences. Lipetsk, 2007. 24 p. (In Russ.).
12. Klimentiev S. Contacts of border districts // *Znamya Oktyabrya*. 05 June. P. 3. (In Russ.).
13. Koreshkova Yu.O. Chinese Greenhouses: Echoes of the Soviet Past (Siberian Cases) // *Ethnographic Review*. 2021. № 1. P. 145–162. (In Russ.).
14. Koryakina E.V. On the socio-economic development of the Far Eastern village in the mid-1980s – early 1990s XX century (the case of Primorsky Krai) // *Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2007. № 2. P. 314–321. (In Russ.).
15. Krushinsky A. Neighborly, mutually beneficial // *Znamya Oktyabrya*. 1989. May 16. P. 2. (In Russ.).
16. Labina S. To strengthen good-neighborly ties // *Znamya Oktyabrya*. 1988. November 22. P. 1. (In Russ.).
17. Labina S. Radio bridge: Zabaikalsk – Pogranichny // *Znamya Oktyabrya*. 1990. January 30. P. 3. (In Russ.).
18. Larin V. L. Russian-Chinese Relations in Regional Dimensions (the 80s of the 20th century – the early 21st centuries). Moscow: East-West, 2005. 390 p. (In Russ.).

19. Nikonov A.A. Spiral of the centuries-long drama: agrarian science and politics in Russia (18th-20th centuries). Moscow: Encyclopedia of Russian Villages, 1995. 573 p. (In Russ.).
20. Nikulina O. Who is against it? // *Znanya Oktyabrya*. 1988. September 15. P. 3. (In Russ.).
21. Fundamentals of Legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics on Land from (28.02.1990). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901955043> (accessed 13.07.2023). (In Russ.).
22. Fundamentals of Legislation of the USSR "On Lease" (23.11.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007840> (accessed 14.07.2023). (In Russ.).
23. Ponomarenko I. Why we need these Chinese // *Znanya Oktyabrya*. 12.02.1991. P. 3. (In Russ.).
24. Draft report // *Znanya Oktyabrya*. 1988. March 01. P. 2 (In Russ.).
25. Rozhenko A. What to take from the lessons of the past year // *Znanya Oktyabrya*. 1988. February 13. P. 3. (In Russ.).
26. Romanova G.N. Soviet-Chinese Economic Relations at the Present Stage. Vladivostok, 1990. 36 p. (In Russ.).
27. Ryzhova N.P. Ryzhova N.P. Land and Power: the Differences at Approaches to Research Property (Case of Informal Land Use Chinese Farmers) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014. (5). P. 7–35. (In Russ.).
28. Savchenko A.E., Chernolutskaia E.N. The Limits of Efficiency of Regional Economic Cooperation between the USSR and the PRC in 1985–1988 // *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2022. № 78. P. 73–81. (In Russ.).
29. Joint venture of farmers // *Znanya Oktyabrya*. 1988. June 21 P. 1. (In Russ.).
30. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On rent and lease relations in the USSR" (07.04.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9024383> (accessed 14.07.2023) (In Russ.).
31. Sharova V. Our neighborhood is growing stronger // *Znanya Oktyabrya*. 1989. January 03 P. 2–3. (In Russ.).
32. Yakovleva R. Contract concluded // *Znanya Oktyabrya*. 1988. May 24. P. 1. (In Russ.).
33. Brooks K.M. Lease Contracting in Soviet Agriculture in 1989. University of Minnesota: Staff Paper P90-1. Minnesota: University of Minnesota, 1990. 26 p.
34. Dunn E. Perestroika of Soviet Agriculture: The Peasant View. Washington: The National Council for Soviet and East European Research, 1991. 68 p.
35. Dyatlov V. Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Russian Society // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / eds. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 71–88.
36. Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. London: Routledge, 2002. 239 p.
37. Foucault M. Orders of discourse // *Social Science Information*. 1971. № 2 (10). P. 7–30.
38. Foucault M. *Power/knowledge*. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.
39. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 31–52.
40. Grigorichev K.V. "They Exist, Yet They Do Not": 'Chinese Greenhouses' in the Suburban Space // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. № 3–4 (56). P. 275–297.
41. Humphrey C. Perestroika and the Pastoralists: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR // *Anthropology Today*. 1989. № 3 (5). P. 6–10.
42. Lo B. *Soviet Labour Ideology and the Collapse of the State*. London: Palgrave Macmillan, 2000. 246 p.
43. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy, Volume 3*. London: Penguin Classics, 1991. 1086 p.
44. Shanin T. Soviet agriculture and perestroika: four models // *Sociologia Ruralis*. 1989. № 1 (29). P. 7–22.
45. Tedstrom J. E. *Socialism, Perestroika, And The Dilemmas Of Soviet Economic Reform* / J. E. Tedstrom, New York: Routledge, 2019. 239 p.
46. Van Atta D. Russian agriculture between plan and market // *The "Farmer Threat": The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia* / eds. Don Van Atta. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 9–24.
47. Van Atta D. Theorists of Agrarian Perestroika // *Post-Soviet Affairs*. 1989. № 1 (5). P. 70–99.
48. White B., Wijaya H. What kind of labour regime is contract farming? Contracting and sharecropping in Java compared // *Journal of Agrarian Change*. 2022. № 22. P. 19–35.
49. Zhou J. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2016. № 5 (1). P. 612–632.
50. Dong Chengbo. On economic and trade cooperation of the three northeastern provinces with Russia // *Siberian Studies*. 1994. № 2 (21). P. 11–15. (In Chin.).



Информация об авторах

Сергей Александрович Иванов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: isaras9@outlook.com

Information about the authors

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: isaras9@outlook.com

Поступила в редакцию 28.06.2023

Received 28.06.2023

Одобрена после рецензирования 10.08.2022

Approved 10.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023